

Непрекращающийся экономический кризис и высокая безработица ведут к тому, что, согласно имеющимся данным, в Тунисе «Исламскому государству» удастся завербовать больше наемников, чем в любой другой стране. После перехода к демократии протесты и голодовки в вузах стали довольно частым явлением, особенно со стороны студентов-леваков, связанных с UGET и недовольных отсутствием у людей с высшим образованием перспектив трудоустройства.

Тем не менее каждое правительство, которое побывало у власти после переворота 2011 года, возлагало большие надежды на роль вузов в политическом, общественном и экономическом развитии страны, что отражено в «Стратегическом плане по реформированию высшего образования и науки на 2015–2025 годы». Этот план нацелен на налаживание прочных связей между рынком труда и вузами, которые благодаря своей автономности должны стать ключевыми проводниками демократизации в обществе.

Франц Фанон и южноафриканское движение #MustFall

Тьерри Люшер

Тьерри Люшер — заместитель директора по институциональным исследованиям Университета Фри-Стейта (Блумфонтейн, ЮАР). E-mail: thierryluescher@outlook.com

Критики Франца Фанона порицают его за то, что он проповедовал применение насилия в борьбе за деколонизацию — он называл это очистительным мути («лекарство» по-зулусски), которое позволит кореным народам Африки побороть паразитов-колонизаторов. Однако поколения, которые благодаря Нельсону Манделе родились уже свободными, считают Фанона современным пророком, чья книга «Проклятые мира сего» стала предвозвестником воцарившегося в ЮАР неокOLONIALИЗМА: погрязшая в показном расточительстве элита, развращенная и вставшая в бездеятельность Партия освобождения, миллионы бедняков — в целом страна находится в политическом, экономическом и культурном упадке. Южноафриканцы разочарованы, а черная молодежь разъярена. Один из студентов — участников многочисленных протестов 2015 года держал красноречивый плакат: «В 1994 году моим родителям продали мечту. Я пришел за компенсацией».

#RhodesMustFall

Движение #MustFall захватило ЮАР врасплох. Все началось, причем самым неприглядным образом, 9 марта 2015 года в Университете Кейптауна (UCT). Мир облетело сообщение о том, что один из студентов UCT измазал возвышавшуюся в центре кампуса статую Сесилия Джона Родса человеческими экскрементами. Родс — один из величайших сынов Кейптауна: горнодобывающий магнат, бывший премьер-министр Капской колонии, покоритель отдаленных районов. Родс выделил под строительство UCT землю, на которой до сих пор расположена большая часть зданий вуза. Первой стадией захвативших ЮАР в 2015 году студенческих протестов стало движение #RhodesMustFall («Родс должен пасть»). Чернокорые студенты научились говорить о том, «что значит быть черным в университете», и вместе с Родсом сбросили выданные им институциональной культурой белые маски на свалку истории.

Движение #RhodesMustFall, которое сподвигло студентов на борьбу против статуи Родса, благополучно исчезло с экранов телевизоров после 9 апреля 2015 года, когда статуя была снесена. Однако резекция этой «симптоматичной болячки» ознаменовала начало «деколонизации по Фанону», которая направлена на исцеление университетов постапартеидного периода и формирование нового интеллектуального пространства. Кхолела Мангцзу, профессор социологии Университета Кейптауна, написал в своей заметке в University World News в марте 2015 года, что стилистика дискуссий в оккупированных студентами зданиях UCT, которые ему довелось слышать, «не могла сравниться ни с чем, что он слышал до этого в Университете Кейптауна, Корнелльском университете, Гарварде и других вузах, где он бывал».

От #RhodesMustFall к #FeesMustFall

Бунтари по всей стране вдохновились движением #RhodesMustFall. Даже в вузах США статуи Томаса Джефферсона, Вудро Вильсона, Джефферсона Дэвиса и прочих затряслись от страха. В ЮАР в соответствии со знаменитым высказыванием Фанона о том, что «каждое поколение должно отыскать в относительной тьме свое предназначение и либо реализовать, либо предать его», студенты других южноафриканских вузов тоже начали задаваться вопросом, что бы снести. В UCT эта участь постигла статую Родса. В Университете Стелленбоса началось движение #OpenStellies («Открытый Стелленбос»), которое возобновило дискуссию о языке (taal debat), поскольку вуз, по сути, разделен на два противоборствующих лагеря: белые студенты, говорящие в основном на африкаанс, и преимущественно англоязычные черные студенты. После этого разнообразные движения стали расти как грибы после дождя: #BlackStudentsMovement («Движение белых студентов»), #Luister («Слушай»), #PatriarchyMustFall («Патриархат должен пасть»), #ReformPukke («За реформу Пюкке»), #SteynMustFall

(«Стейн должен пасть»), #TheTransCollective («Объединение трансгендеров»), #TuksUprising («Бунт в Университете Претории») и т.д.

Однако если движение #RhodesMustFall и его производные стали рупором молодой черной интеллигенции, возмущенной идеологичностью и «белизмой» южноафриканской системы высшего образования, то движение #FeesMustFall («Взносы должны пасть») привлекло внимание всех студентов страны, так как оно резонирует с их требованиями сделать высшее образование бесплатным и нацелено на решение их базовых материальных проблем. Бесплатное образование — или по крайней мере доступное, в том числе для бедных, высшее образование (путем введения различных государственных пособий и стипендий) — стало одним из так и не осуществленных обещаний, записанных в Хартии свободы, которая начиная с 1955 года подстегивала противников апартеида к борьбе. Вслед за тем, как в сентябре 2015 года руководство расположенного в Йоханнесбурге Университета Витватерсранда объявило о том, что с 2016 года повышение стоимости обучения будет исчисляться двузначным числом процентов, в этом вузе тоже начались студенческие протесты. Всего за пару недель (после того как другие вузы тоже объявили о повышении стоимости обучения) студенты заблокировали деятельность государственных университетов по всей стране.

Движение #MustFall захватило ЮАР врасплох. Все началось, причем самым неприглядным образом, 9 марта 2015 года в Университете Кейптауна (УСТ).

«Последний герой»

Все университеты отреагировали опробованными методами: одни выказали сочувствие и доброжелательность к протестующим, другие ответили жесткими и авторитарными мерами, третьи действовали исходя из принципа «разделяй и властвуй», завинчивая гайки в отношении активистов. Во всех случаях главным было вывести процесс с первых полос газет и перевести его в русло формальных заседаний. Много лет назад, описывая подобную стратегию университетов, я в шутку назвал ее «Последний герой» по аналогии со знаменитым реалити-шоу: перехитрить, обыграть, дожидаться, пока оппонент сойдет с дистанции. Как это происходило и в одноименной телепередаче, вузам

приходится вступать в скрытые переговоры, периодически поигрывать мускулами и довольно часто прибегать к различным уловкам. Но представители движений #RhodesMustFall и #FeesMustFall тоже оказались не промах и довольно быстро добились значительных успехов. 23 октября 2015 года президент ЮАР Джейкоб Зума «в панике», как написали многие журналисты, объявил о том, что повышения стоимости обучения в государственных университетах в 2016 году не будет. (Хотя это заявление неправомерно, потому что согласно «Закону о высшем образовании» ЮАР стоимость обучения устанавливают сами вузы.)

Сетевые студенческие движения в эпоху интернета

Что действительно поражает воображение в контексте южноафриканских студенческих протестов 2015 года, проходивших под общим лозунгом #MustFall, так это масштабы использования социальных сетей и интернета в целом. В книге Networks of Outrage and Hope Мануэль Кастеллс на примере Occupy Wall Street («Захвати Уолл-стрит») и других подобных движений описывает новые формы общественных движений в эпоху интернета. А движения #MustFall ознакомили нас с собой переход к новой форме студенческой самоорганизации путем создания студенческих сетей, которые одновременно «оккупируют» и общественные пространства, и киберпространство. Студенты активно пользуются социальными медиа и другими интернет-платформами для привлечения новых сторонников, координации акций, распространения брошюр, других текстов, картинок и видеоклипов, непрерывно фиксируя все, что происходит в стране. Протесты национального значения обычно проходят вокруг зданий органов власти, т.е. в пространствах, всегда привлекающих общественное внимание: рядом с парламентом в Кейптауне, с центральным офисом Африканского национального конгресса в Йоханнесбурге и рядом с Домом правительства в Претории. Участники студенческих протестов на глазах у всего общества баррикадировали центральный въезд на территорию вуза и занимали здания, символизирующие власть. В Университете Витватерсранда такая участь постигла здание заседаний ученого совета.

Дальнейшие перспективы

Хотя 2016 год начался тихо, в феврале по ряду университетов снова прокатилась волна студенческих протестов. Так что, как предсказывают наблюдатели, например Потшье Пилане из газеты Mail&Guardian, в 2016 году студенческие протесты снова наберут силу, поскольку три основных требования студентов так и остались без ответа: обучение по-прежнему платное, хотя цены временно и заморожены; вузы перестали нанимать технический персонал на условиях аутсорсинга, из-за чего он стал плохо выполнять свою работу; и наконец, не решена, в том числе на концептуальном уровне, проблема «деколонизации»

южноафриканского высшего образования. В статье Ли-Энн Наиду в журнале *New Agenda* говорится о том, что необходимо продолжать развитие «коллективного критического сознания», бороться с доминирующими ограничительными нормами и воссоздать университет и как образовательное пространство, и как площадку для выработки решений. То, что нынешняя молодежь открыла для себя Фанона, дает некоторую надежду. Его инструкции на будущее носят радикально демократический характер: просто примите тот факт, что широкие массы состоят из разумных людей. В контексте высшего образования это значит: примите тот факт, что по-настоящему африканский вуз не могут породить пожилые белые преподаватели-мужчины, его могут породить молодые продвинутые черные преподаватели и студенты. Это разумные люди, они не хотят, чтобы их университеты пали. Силу студенческих сетей можно было бы использовать для того, чтобы молодые люди принимали полноценное демократическое участие в процессе принятия решений в вузах, пересмотре учебных планов и реорганизации университетской жизни.

Пан или пропал: дилемма высшего образования в Южном Судане

Дэвид Малуал В. Куани

Дэвид Малуал В. Куани — декан Школы образовательных наук Университета науки и технологий имени доктора Джона Гаранга, провинция Джонглей, Южный Судан. Недавний выпускник стипендиальной программы Мандела – Вашингтон, по которой он обучался в Кембриджском колледже (штат Массачусетс) и Международном университете Флориды, США. E-mail: malualwuor@yahoo.com

В 2011 году, когда Южный Судан отделился от Судана, многие лелеяли надежду на то, что высшее образование — и образование в целом — станет главным национальным приоритетом, на который будут направлены бюджетные средства. Однако, как стало понятно после объединения Министерства образования с Министерством высшего образования и преобразования его в Министерство образования, науки и технологий, этим надеждам не суждено было сбыться. Из-за режима жесткой экономии бюджет министерства был сокращен, последовали увольнения,

многие управления были переименованы и реструктурированы. Еще более усугубило ситуацию (хотя, казалось бы, куда уж хуже) то, что 15 декабря 2013 года в стране началась, как я ее называю, шизофреническая война (15 декабря 2013 года в Южном Судане началась гражданская война. — *Ред.*), последствия которой самым ужасающим образом сказались на государственных вузах: их имущество было разрушено, а многим студентам и сотрудникам пришлось бежать из родных мест. В настоящее время перед руководителями многих вузов стоит дилемма: закрывать их или нет. Данная статья анализирует основные проблемы высшего образования в Южном Судане в надежде на то, что достигнутое недавно перемирие между правительством и повстанцами окажется долгосрочным и действительно позволит решить сложившиеся проблемы.

Текущее состояние высшего образования

В Южном Судане — самой молодой стране мира — всего шесть университетов: пять государственных и один частный. Три самых высокопоставленных руководящих сотрудника каждого университета назначаются президентом страны. Каждым университетом руководит ректор, у которого есть по два проректора: один отвечает за академические вопросы, другой — за административно-финансовые. Лишь в одном из пяти государственных университетов ректор — женщина. На момент написания данной статьи в университетах Южного Судана училось, по оценкам, в общей сложности от 25 000 до 30 000 студентов.

Проблемы

Основная проблема высшего образования в Южном Судане — порочный круг нестабильности, которая чувствуется и в центре страны, и на периферии. Четыре из пяти государственных университетов расположены в провинциях, где они рискуют попасть под горячую руку либо повстанцам, которые борются с правительством, либо представителям враждующих друг с другом местных племен. Из-за этого многие высококвалифицированные иностранные ученые либо вообще покинули страну и вернулись на родину, либо устроились в международные неправительственные организации. Из-за нестабильной и небезопасной обстановки и постоянных перебоев в образовательном процессе многие студенты Южного Судана уехали учиться в соседние страны, например в Уганду, Кению, Эфиопию, Судан. Некоторые студенты и преподаватели находятся в таком шоке из-за зверств вокруг, что боятся возвращаться обратно или вообще не планируют больше продолжать учебу. Тем не менее, возможно, тот факт, что недавно в Джубе было подписано мирное соглашение, поможет людям преодолеть страх перед нестабильностью.